

Клубок покотился

Почему пишутся стихи... Может, потому, что для пишущего не находится ничего лучшего в существующем мире, чем прекрасная их бесполезность? Бабочка лирики летит на огонь увлеченности, и в этом безумии нет никакого лукавства. И разве факт сгорания бабочки не равнозначен возможности разрешиться чувству?

Л. С.

* * *

*Клубок покотился... Мурлычет кошка,
Об руку трётся, глаза прикрыв.
А в комнате – солнечная дорожка
И тишины золотой налив.*

*Окошками света стена богата,
А кресло – пятнами, будто в нём
Цветными клубочками спят котята,
Свой рай блаженным обняв теплом.*

Вербы

Природа не любит ущерба –
И вот не во льдах, а в тепле
Застыли три веточки вербы,
Тоскуя по доброй земле.

Поверили, видно, бедняжки,
Что полное счастье дано;
Корнями блуждая в стекляшке,
Мечтали попасть за окно.

Где снег был глубок и печален,
Земля для любви холодна –
Сегодня так много проталин!
И все без стеклянного дна.

Ступени

Ступеней к чистым каблукам
Исчезли скользкие обиды –
Причастность к солнечным пескам

Насквозь пронизывает плиты.
Твоё окно. Рулады гамм
И никаких мучений прошлых!
И льнут ступени к сапогам
С землёй и глиной на подошвах.

?

Или мук впечатленья такое
После долгих снегов и пурги,
Что блаженствуют в вольном покое,
В мленья ангельском чаш лепестки?

Или в прошлом разлуки и вьюги,
Или свежесть весны впереди,
Что таятся, как девичьи руки,
Ветки вишен на майской груди?

Иль ветрам притеснили дыханье
Пустоцветы былых холодов
Так, что слышится крыл колыханье,
Уносящее тайну плодов?..

Я люблю

Я люблю, когда лучи скупые
Держат мир на тонких волосках,
Строя утра замки голубые
На летучих золотых песках.

Воля не взволнована, как море,
Чайкам не завидуют глаза;
В отрешённом, безграничном взоре
Узнаны, как в капле, небеса.

Будто мысль в кольцо любви продели –
Так легка, туманна и тонка,
Что трепещут перед ней пределы
И дрожат немые облака.

* * *

Плавность изгибов, линий истома,
Вольности воздуха, листьев смех –
Счастье куда не манит из дома
В поле, где кашек нетронут снег!

Буйства лесной причудливой флоры,
Сотни магнитиков под бельём –
Чьи же не тянет мысли и взоры
К радостям, что порастут бельём?

Вкус поляники, прятки фиалок
И синевы до краёв фиал...
Мира и света щедрый подарок,
Будто ребёнок его приял.

* * *

Заячьим горошком, чёрным лютиком
Заросли могилки вдоль реки.
Алалкой, одичалым хлюпиком
Там бродил я в детстве, и близки

Стали сердцу знаки запустения,
Тайны века, вросшего в покой:
Будто все ушли – одни растения
Своеручничают под рукой.

Луч касается, как тел покойников,
Синеватых шпатов полевых...
Помню: сердце бабочкою с донников
К ним слетит из царствия живых.

* * *

Я в детстве подолгу любил на юру
Нацеливать в небо сомнений стрелу,
О силе небесной взывая к орлу.
Взывал – и высокий ответил,
Что сила над нами подобна орлу,
Чей огненный клюв пробивает скалу,
А коготь пронзает Вселенной юлу
И времени солнечный ветер!

Мне в юности часто являлись во сне
Ушедшие – в тлеющем, мрачном огне.

Я в поле бежал, к одинокой сосне,
Молчал – и прямая скрипела,
Что сила под нами подобна сосне,
Чей ствол корабельный увяз в глубине,
А корень взрывает могилы на дне
Миров, погребённых умело.

Я жил одиноко. И старость пришла.
Мой тлеющий разум, как ночь, обняла
Осенняя ранняя тихая мгла –
И стал он воистину светел!
И эта холодная славная мгла
Мне жизнь осветила, как только могла,
И тихо спросил я: где ж раньше была?
Спросил, но никто не ответил.

* * *

День ото дня полней поток забвенья.
Шумят ветра, деревья шелестят,
И мотыльков июльские раденья
Не разделяет, не вбирает взгляд.

Лишь иногда, когда воды свеченья,
Волненья трав и овеанья крыл
Так влюбчивы, так лишены значенья, –
Я вспоминаю, что и сам любил

Игру надежд, причуды наважденья
Сквозь нежной грусти тонкое стекло.
Светились, бились капли, и весь день я
Глядел, как даль дождём заволкло.

 лядя на камни

Ветер гулял над рекой.
Но, розовея щекой,
Кокон покоя лелея,
Локон вила Лорелея.

Нет, что-то было не так.
К западу двигался мрак,
В хлябях зелёной листвы
Пели, летя с тетивы,
Стрелы заката, и слиться

Силились волны и листья.
Полно, не век ли орды –
В битвах воды-лебеды?
Но зашуршат средь осок
Шлемы еловых лесов,
И буруны – с бунчуками
Спутаешь, глядя на камни.

Как позабыть

Как позабыть о лучшем сне земном,
Который с явью до сих пор не слился?
На Чёрной речке в детстве он приснился –
Не в здешнем веке, а совсем в ином.
Там девочка, любимая до слёз,
Такая та, что обмираю весь я,
Со дна души восходит в поднебесье,
По кромке плёса в мир речных стрекоз.

Там ярче звёзды и рассвет быстрее,
Черёмухи воздели к небу ветки,
И сердце, будто вольный соловей,
Не признаёт грудной скелетик клетки.
Одну из трёх сестёр по именам,
Тебя оно, волнуясь, узывало
То рыть ходы сквозь дебри сеновала,
То, рыб шугая, бегать по волнам.

Когда б на свете красоту ценили,
Глядели б неотрывно на тебя.
Как ты молчишь, с букетом жёлтых лилий
И выгоревший локон теребя.
Как ты поёшь – и искренне, и тонко.
Как ты лежишь, не ведая стыда,
На сахарном песке, где лижет кромку
И сладко-сладко шепчется вода.

Какой бы ты была в объятьях ночи,
Стань женщиной, купайся в волнах чувств?
Не карие глаза, блистали б очи!
Не губ бутон, раскрылся б розан уст...
Но ночь зажглась, когда слепые руки
Постичь пытались, что же надо нам,
И сосны пели о реке разлуки,
И чёрный ветер крался по волнам.

Тебя из сна сюда переселю –

Мечтал не раз. Но глубже чуя бездну:
Скорей к тебе из этого исчезну –
Шептал поздней, а нынче лишь люблю.
Копаясь в недрах старого альбома,
Не узнаю себя. И мнится мне,
Что это ты с другим была в том сне,
А мне лишь только издали знакома.

Никогда

Никогда мы не свидимся боле
Ни в лесу, ни у речки, ни в поле
И зелёный цветок не сорвём;
И в зелёных серёжках берёзам,
И с зелёным отливом стрекозам
Не расскажем о счастье своём.

Был избеган босыми ногами
Весь наш рай, что давно под снегами,
Лишь зелёные сосны скрипят.
— Дети, где вы? – Не ведаем сами,
Не в глаза и чужими глазами
Смотрим, как догорает закат.

Стих

(Из К. Ковича)

И стих – ужель предмет употребления
Иль форма, что печаль в себе хранит?
Всё лишнее стесать, ища забвенья, –
Для этого и выбран малахит.

Перед тобой шкатулка – блажь хранения,
Иль неприглядной кажется на вид?
Как принц в лягушке, скрыто откровенье
Внутри. И даже луч не золотит.

Общенье с ней – удел для одиноких,
Ещё молва о каменной твердит,
Что жженье ран сердечных холодит.

А из вещей, востребуемых в сроки, –
На самом дне и на тебя глядит

Дар красоты напрасной: эти строки.

* * *

Остаться, не деля ни с кем
Обветренность – от сна до света –
Волны на сглаженном песке,
Песка над зыбкостью сюжета.

Под судорожность форм и сил
Блуждать, застылости не чая,
В скопление скошенных лесин,
В молчанье хищном молочая.

Шевелит ветер волн валки,
Залив – что поле на рассвете;
Бесформенность сырой тоски
Сродни волнению... междометий.

* * *

И на голос разлуки – лишь сон о далёком.
Я держу твои руки – и сосны над нами,
Ветерок овеивает твой сбившийся локон,
И ночная прохлада дрожит светляками.

Это только ручьи превращаются в реки,
Или тени – ничьи на бродячем пригорке.
Ты моя, ты маяк – пусть сквозь сонные веки
Пробивается мрак, но глаза мои зорки.

Пусть мы тени вдвоём, только речка – бормочет,
И на платье твоём оживляются складки:
Где птенцом трепыхался пугливый комочек,
Трепетания снова мучительно сладки!

Узнаёшь ли меня? – Запрокинулись руки:
Я узнаю тебя, даже если забуду
Эту песню огней, эту сладостность муки –
Даже тени теней не противятся чуду.

И движеньем, что легче лесной паутинки,
Будто время разгладить, к лицу прикоснулась:
Спи, далёкий, пусть утро туманит тропинки –
Я сегодня среди ночи счастливой проснулась.

Листья

Были блестящими, слыли гулёнами
Листья из юности – я ли
Выдумал, как кружевами зелёными
Свет они дивно пленяли?

Или, с прожилками крыл, небожители,
Нам о любви шелестели?
Листья, и нас уже ветры похитили,
Многих укрыли метели.

Нищая юность! Убогие дворики
С липами возле сараек.
Весело скалятся бедные Йорики,
С листьями ветер играет.

Свыйду из дома

Дождливое утро. И роща промокла.
Вдруг звякнет струя, будто лопнет струна.
И галочья стая, звучанья полна,
С каким протирают оконные стёкла, –
Сорвётся с дерев на пустые зады,
На бледность отав, на скупые подзолы.
И ринется ветка сквозь капель узоры
К спокойствию рамы – оконной узды.

И годы пройдут. Как сквозь кальку, невнятно
Проступит – и время, и место – среда.
И, узостью жизни охвачен, тогда
Я выйду из дома в зелёные пятна
Дрожащей листвы и скользящей травы,
Как Ной выходил. Бредя мхом и болотом,
Резучей осокой, колючим осотом
И счастьем, с каким не сыскать головы.

Плакала душа

Плакала душа – в персть.
Канула слеза – в горсть.
Ладно, хоть душа есть,
Есть на ком сорвать злость.

Юркнула змея – в темь,
Содрогнулся свод: грех!
На земле душа – тень,
Иногда ползет... вверх.

* * *

Как слепень глазаст и чётко,
Как глухарь слухаст
Серый лес корявых счёгов,
Обступивший нас.

Душно, тесно в нём до хруста
И под сушью строк
Всё глубинней капли чувства,
Лирики глоток.

Вырывай, из всех страданий,
Изо всех прорех,
Кваркованья воркований,
Дрём могучий смех!

За неравенство! за солнце!
За просвет, что тих,
В сердце бьётся, бьётся, бьётся
Несказанный стих.

Пусть роится истребимость,
Луч на волоске...
Сердце чувствует любовь,
Как цветок – в руке.

Осень

(Из Р.-М. Рильке)

Время твоё, госпожа, настало:
Тени на солнечные часы
Лета большого легли устало,
Ветер в полях испил росы.

Зреет плодов последних сила –
Только два южных дня дано,
Дабы вся сладость перебродила
В памяти терпкое вино.

Чтоб, по аллеям скитаясь волглым,
Длинные письма писать потом...
Кто одинок – одинок надолго,
Кто не успел – не построит дом.

сенние мотивы

1

Искусство и природа – между ними
Оттенок отчуждённости сквозит.
Подобное случается с родными,
Когда наносит осень им визит.

Трудом спасают старый реквизит!
И жар труда соизмерим, пожалуй,
Душой и прилежанием – с пожаром,
Какой на ветках стынущих висит.

2

Лишь одиночество, лишь старость,
Порой впадающая в детство, –
Вот всё, что в будущем осталось
И никуда не может деться.

А если что куда и делось
В полупериоде распада,
Так это – счастье верить в зрелость,
Что было, в общем, и не надо.

Возможно, осень схожа с чудом –
На вольных землях, с вольным человеком.

В осеннем лесу

Блуждать, сырому предаваясь дню,
И вдруг найтись в нерукотворном храме:
Уверовать в сиянье меж стволами
Средь истин, обречённых на корню.

Пусть сеть ветвей – что трещин мёртвый лес,
Пусть облетает золото окладов...
Легко вдыхать сей ладан древних ядов
И не винить за тяжесть свод небес.

Как мало надо! Проблеска в ответ,
Молитвы ветра над обмытым прахом,
Чтоб ощутить с признанием и страхом,
Что нет ветвей и увяданья нет.

* * *

Дорога уводит в старинный алтарь,
В обряд заповедный, где яви готовы
С остатками прежних, где в руку, как встарь,
Даются они, что причастья Христовы.

Узоры мгновений... Всё длится обряд,
Сплетаясь в орнамент прозрений и света.
Орнамент строфичен, узор строчковат –
И первое больше волнует поэта.

Пусть собственной яви пропасть без следа,
Не сбыться... Не так ли на бархатной рани,
Играя с огнём, выгорает звезда?
И нет пепелищ от её выгораний.

Краса

1

И вздохнула – рассыпался карточный домик,
И не маялась силой осанн,
Машинально воздев молодые ладони к
Почерневшим, глухим небесам.

За мгновение до, как расситился омут,
Умыкая безмыслие черт,
Лишь сверкнула красой, затянулась дымком от
Неизбывности каинств и жертв.

То ли дар принесла, загубила ли даром –
Ведал туч нежилой истукан,
Как, жалея и злясь, затянула удар о...
И пространства текли по щекам.

2

Один – по безверию, по безлюдью,
Не зная, что значит: двое.
Так ломаются древки ветвей под грудью,
И раненый ветер воет.

Стволы подпирают обвалы свода
Небес, отречённых свыше.
Так гирей к ноге, чтоб устать, свобода
Мятеся, себя не слыша.

И если внезапно к земле склониться,
Свой рост умалив и сгорбив:
Враждебные листья, почти что лица,
Красуются в петлях скорби.

Смешная роль

1

Не залижешь бессмертных царяпин,
Ведь не плоть пытали в ночи.
Я не мавр, я чумазенький Чаплин –
Так потешься, похочочи.

Ну, а выступят слёзы от смеха –
Не споткнись о плач сгоряча.
Ты же, в общем, во всём неумеха,
Кроме навыков палача.

2

Смешную роль упрямца и глупца
Я напишу от третьего лица.
Средь якающих третьих лиц полно,
Средь окающих – он, она, оно.

О, ты прочтёшь, кривя усмешкой рот:
Он не играет, но и не живёт...
И вновь ослабнет паузы шлея:
Играешь – ты, опять без роли – я.

* * *

Нет, не избежать холода упреков,
Неотделенья красоты от грязи,
Пока огни последних солнцепеков
Непостоянней мимолетной связи.

Казалось бы, когда летит все прахом,
Куда важней на верность притязанья:
Молитвы ветра, белая рубаха –
Чем эти... лучезарные лобзанья!

Первый снег

Белеют пней разъятые колени,
Над ними крылья ширит пустельга.
Объята холодком прикосновений
Берёста, что натёртая фольга.

Клин журавлей скользит в топор заката,
Но как подарок ценится утрата.

И первый снег сырых полей стога
Целует, словно белозубый гений!
Целует влёт – и вся тут недолга.

Мадение звезды

Деревья намертво наклеены
На стену с блёстками слюды,
И фонарями зааллеены
Их нелюдимые ряды.

Не угадаешь входа-выхода,
Лишь затоскуешь в никуда
О той, что с тусклостью несслыханной
Сольётся – больше не звезда.

И нет ни имени, ни отчества
Припавшей к изголовью дня,
Рванувшейся из одиночества
К теплу январского огня.

* * *

Всё как прежде влюблена заря
В окон абажурные моря,
И плывут рождественские ёлки.
С мандаринной долькою во рту,
Ночь впадает в полунаготу,
Рассыпая хвою, как заколки.

Простынёй улёгшийся снежок –
Телу холод, а душе ожог.
Жизнь свернулась письмецом в конверте,
И во сне зелёные глаза –
Так беспечно! – увлекают за
Деревце дознания и смерти...

* * *

И да, и нет – сквозь тьму и свет,
И замерзая, и сгорая,
Душа летит... и ей претит
Возможность ада или рая.

И в неслиянности ни с чем
Она завидует снежинке,
Что гибнет на твоём плече
В неизъяснимо-нежной дымке.

 ЭХО ВПОТЬМАХ

Земля опочила под прахом ночным.
Уходит вода перекатом речным.

Снега оседают на хладную твердь.
Что если и людям такая же смерть?

И тягость, что виснет и мучает днесь,
Исчезнет, как мира гремучая смесь!

И звёздный ракушечник – эхо впотьмах,
И легче душе, чем незримее прах?

* * *

Преданность снега искрится,
Иней ветвей – мельхиоров;
Явь создающие спицы,
Слепну от ваших узоров!

Ваших не стою трельяжей,
Рамы финифтовых стёкол:
В каждом – звездой вальжной
Блещет всевиденья око.

Но палисадника тени
Разве ж разумеешь слезами...
Иль не становятся теми,
Кем отражаются сами?

Земля моя

Когда гремят засовы ржавых чувств,
И ломит свет пустые очи мрака,
Я бледным воском пред тобой свечусь,
И лик твой тёмный таяньем оплакан.

Земля моя, тебе и хна к лицу,
Как женщине, заведомо пропащей.
И яркость красок клонится к светцу,
Что не ища, глядишь, навек обрящем.

* * *

Бумага как поле бела.
Но в поле зависит от снега
Таимая мера тепла,
Хранимое чувство побега.

Бумажные зимы страшней.
Они и весною не тают,
Открытость словесных корней
Одним безразличьем питают.

Уж лучше измена и боль!
Живое до боли мгновенье,
Чтоб слов напряжённая роль
Корнями вросла в откровенье.

* * *

Кочуют кучевые облака.
Так вертится о них прощальная строка,
Что если б ею бредил Галилей,
Решил бы: нет, не всё от тяжести зависит –
Есть власть земных вещей,
Есть воля спорить с ней,
А притягательнее – выси!

Кочуют кучевые облака,
А я прирос к земле, как будто на века,
Хоть сей кошмар, возможно, только снится,
И с Галилео мы не на земле живём,
А кочевыми мыслями плывём,
Уже не в силах приземлиться.
Кочуют перистые облака...

* * *

Пусть берегами дни грешат,
Безумье пенное разлито –
Останься трепетной, душа,
Волной прозрачной, Афродита!

Лелей смиренья голыши,
Играй надежды парусиной.
Замри в языческой глуши,
Где слово – делу равносильно.

* * *

Измятый плащ и вместо шпаги посох,
Но я люблю – так могут лишь калеки –
Медлительность дорог, открытый воздух,
Воскресших листьев долгожданный лепет.

Провинция, мой стих стучит в твой ставень
И бабочки колышет сонный парус.
Нигде вольней душа не расцветает,
Покинутой – не поживает старость.

Здесь не страны, земли не чужа темень,
Доходит мысль до простоты творенья,
Что всякий луч и стебель – несомненен,
Как вечность, проводя пустое время.

* * *

Луч, стеклом окна задет,
На лучины стал колотьяся.
Божья родина – весь свет
До звезды на дне колодца.

Даже если нет звезды,
Свет дойдёт, печаль растает.
Как душа, в ковше воды
Дремлет щепка золотая.

* * *

Не ради красного словца
И не о жизни, но о слове,
Что бросил ветер в мощном лове,
Смущённо шепчут деревца.

Не вдохновенье, выдох вон:
По инстинктивности, по зову –
Не к слову "жить", а жить "по слову"
Подстрочник роц переведён.

Слова, деревья ль – от корней.
И я, волнуем вместе с вами,
Шепчу шершавыми губами,
Что жизнь – как ветвь и суть – не в ней.

* * *

Горьким дымом тянется дорога,
Чувств мерцанье ворошат ветра.
Позади осталось слишком много
Тёплых звёзд сердечного костра.

Странно ветка за спиною треснет.
Прежний мир потерян навсегда!
Загрустить бы журавлиной песней,
Но и это – как в реке вода:

Маху даст иль крюку – те же трюки,
А вернуться воля не дана.
По бокам две верные разлуки –
Справа отмель, слева крутизна.

Так вперёд. Дороги нет священной,
Если сердце чуткое иметь.
Бьются в такт две жилки сокращений –
Справа глупость жизни, слева смерть.

 *М*ихо шагну я

Тихо шагну я, возникший из праха,
В круг от лампы, не знающей тени.
Лишь бы не стала духовная плаха
Самым бессовестным из заблуждений!

Молнии взмах – и останется грому
Сущность разваливать на половины.
Лишь бы разъятые, как по-живому,
Не возопили заслуги и вины.